

— Кажется, критик Лев Аннинский сказал о Хушине: мне не важно, что он снял, — мне важно, что с ним происходит... А что происходит с тобой в последнее время?

— У меня, в общем, мало что изменилось. Я и раньше пытался жить не по тем законам, по которым полагалось. Ничего от властей не хотел и не ждал, а занимался своим делом. Все то же — сегодня. По-прежнему ничего не жду от власти — я пишу свою музыку. И если она кому-то нужна, — для меня это огромная радость.

— Спрошу по-другому. Ты знаешь, чем мы заплатили за свободу. Ведь не только приобрели. Но и потеряли. Ты приходишь к каким-то новым ценностям или возвращаешься к старым?

— И не прихожу, и не возвращаюсь. Что касается того, что мы приобрели и потеряли... Но ведь мы этого сами хотели. Правда, не ожидали, что будет именно так. Но это опять о политике, — а мы договорились ее не трогать. Мне хватает на экране телевизора дилетантов. Они говорят о политике, о будущем, что-то прогнозируют — они все знают! У меня ощущение очень печальное — какого-то всеобщего, глобального дилетантства. Вот свежий пример. Одна фирма решила выпустить на компакт-диск мою оперу «Граф Калиостро». Приезжаю на студию, прослушать пленку. Слушаю — и прихожу в ужас: музыка звучит глухо! Только одна часть вдруг — прекрасно! В чем дело? Оказывается, при переводе с мастеркассеты 3 коробки переписали «слоем» внутрь, а одну — нормально! Да сегодня каждый ребенок знает, как заряжается пленка на магнитофон! А ведь это стоило немалых денег, пусть не моих — не важно! Люди, кстати, — очаровательные. Я, работая в кино, проверяю по своей части все, от начала до конца, хотя я не должен этим заниматься. Но я просто никому не доверяю.

— Вообще никого? Или все-таки есть люди, которым ты веришь?

— Очень малый круг близких. Но, скажем, когда я смотрю телевидение — никому не верю. Лимит доверия исчерпан. Я вообще перестал смотреть ТВ. После «новостных программ» у меня появляется страх. Иногда — прихожу в ужас. Все вранье — только с обратным знаком!

— Скажи, как ты, человек с музыкальным ухом, слушаешь музыкальные передачи по ТВ? Или — эти «игры». Повальное безумие. Безвкусица. Ничего нет скучнее субботы-воскресенья, когда меня развлекают. И ведь хорошие группы не выделяются, а пропадают, тонут в этом потоке. Что это за явление?

— Думаю, что это реакция на официальный стиль. Это во-первых. А во-вторых, я думаю, что ТВ возглавляют люди, которые не имеют никакого понятия о культуре. Так было — так осталось и сегодня. Поэтому исчезают просветительские программы, — их все меньше и меньше. Мотивируют таким понятием, как «рейтинг».

— Не критерий уровня...

— ...а уровень популярности. Во-первых, я не верю в эти рейтинги. Но даже если бы я поверил — это ошибочная позиция. Во всем мире известно, что рейтинг и заработки Майкла Джексона выше, чем у Ростроповича. Но спросите Ростроповича: хочет ли он славу и деньги Джексона? Не хочет. А как же стране сохранить культурный генофонд, если следовать рейтингам? Господи, ну спросите у любого второклассника: хочет он ходить в школу? Наверняка не хочет. Он хочет гонять в футбол. Спросите ребенка: хочет он каждый день чистить зубы? Но есть слово «нужно» — это не обсуждается. Нужно делать престижные, пусть нерейтинговые программы. А у нас смотри, что происходит: мы смотрим один сериал за другим по госканалу — и люди начинают привыкать к этой чепухе. И уже ждать ее. И их нельзя в этом обвинять. Есть законы восприятия. Это же наркотик — и мы виноваты перед людьми, что приучили их к этому. Кстати, все это можно было бы снять и на российском материале.

— Расскажи про твой последний вояж в Лон-

Общая гал. -1995 -
7 сент. - с. 11.

Страшно, что музыка так проста

Из композиторов, работавших для кино и эстрады, **Микаэл ТАРИВЕРДИЕВ** остается едва ли не самым интеллигентным и утонченным, олицетворением компромисса между массовой и элитарной культурой, символом интеллигентности

дон с программой «Новые имена». Думаю, многие знают об этом.

— Об этом расскажу с радостью. «Новые имена» — это международная благотворительная программа. Мы собрали самых талантливых детей. И мы хотим, чтобы дети поняли и почувствовали, что они — наша надежда, что они нужны нам, что их ценят не только на Западе, но и любят дома. Вообще-то говоря, это функция государства. Но государство это не интересует. Вот мы и взялись за это.

— Кто «мы»?

— В программу «Новые имена» входят многие известные люди. Например, в попечительском совете, который возглавляет Анатолий Карпов, состоит принц Майкл Кентский, глава ЮНЕСКО Фридерик Майор, Виктор Третьяков, Владимир Спиваков и многие другие. А меня пригласили художественным руководителем.

И вот что еще важно. Когда-то в России была создана госколлекция музыкальных инструментов — там были скрипки Страдивари, Амати, Гварнери, ценные виолончели. Еще в 50–60-е годы наши молодые таланты, уезжая на Международные конкурсы, получали инструменты и могли играть не на своих «дровах», которые были у студентов, а на этих замечательных инструментах. В случае, если музыкант получал престижную премию — этот уникальный инструмент оставался у него в пользовании. Эта коллекция существует и поныне. Но теперь, чтобы получить инструмент, какой-нибудь банк должен дать гарантию на страховку в 1 миллион долларов. Эти скрипки действительно стоят столько, но покажи-ка мне такой банк! Да и музыканты боятся их брать — ведь залог-то в 1 миллион долларов. В результате почти никто на этих инструментах не играет. Вот мы и решили создать свою коллекцию.

— С какой программой вы ездили в Лондон?

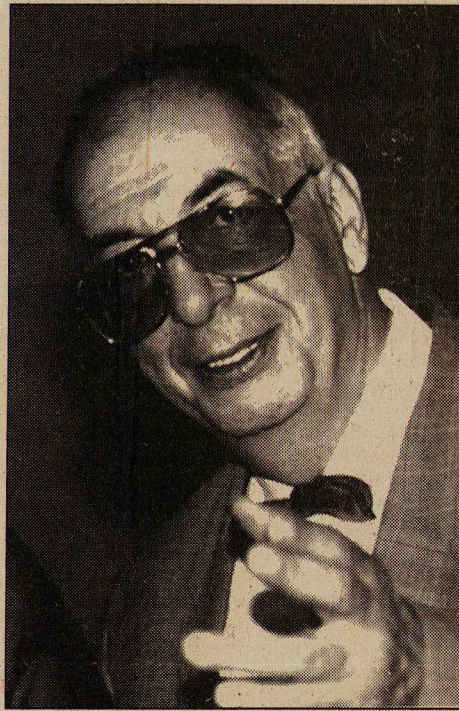
— Сейчас дети играли русскую классику, Вивальди, Шуберта. Это было во дворце Сент-Джеймс. Это вторая по значению королевская резиденция после Букингемского дворца. Публичных концертов там не бывает, приглашается публика, человек 300. Принц Майкл Кентский как попечитель, открывая концерт, обратился к присутствующим на прекрасном русском языке.

— Тебя многие знают как кинокомпозитора. А я знаю, что есть еще и «некиношная» музыка. Что ты скажешь о ней?

— У меня всегда было две жизни в музыке. И я сегодня не откажусь ни от одной из них. Одна жизнь, которую знают все, — это кино. У меня 132 художественных фильма. В своем роде рекорд. Мне это интересно! И я абсолютно убежден, что если бы Моцарт, Чайковский жили бы сегодня, они писали бы музыку для кино. Киномузыка для меня — не только источник средств к существованию, хотя это, конечно, и так, — а очень интересная работа. Надо сказать, что мне с самого начала повезло: первую студенческую работу я сделал со студентами ВГИКа — и получил свою первую международную премию в Брюсселе. А на 4-м курсе я уже получил заказ на первую профессиональную картину на киностудии им. Горького.

и популярности одновременно.

Многое из того, что он говорит, — субъективно. Но все — интересно. Ибо опыт сохранения себя в неблагоприятных и унылых обстоятельствах — насущная тема для любого, кому еще есть что сохранять.

— Многие считают, что твоя киномузыка связана прежде всего с фильмами Калика. Понятно: ведь ты писал музыку ко всем его знаменитым фильмам. А вот две «Ники», наших «Оскаров», — ты получил за другие картины.

— Конечно, Калик — классик. Но дело не в этом. Скажу тебе о главном, что для меня дорого. Когда я был молод — меня приглашали молодые режиссеры. Я находил с ними общий язык. Когда я стал старше, «среднего» возраста, — меня по-прежнему приглашали молодые. И я опять находил с ними общий язык. Сейчас, когда я уже в «третьем» возрасте, — меня снова приглашают молодые. И мы разговариваем на одном языке. Вот что мне нравится! Значит, я не застыл, значит, для них все-таки не такой уж старый крокодил. И все-таки я тебе могу сказать — все фильмы, включая «Русский регтайм» — я бы сегодня сделал по-другому.

— А что другая музыка?

— Другой музыки у меня гораздо больше, чем киномузыки. У меня 4 оперы, 3 балета, масса органной и камерной музыки. Я не занимаюсь устройством ее исполнения — слишком много хлопот. Но когда мне перед Новым годом позвонила Зара Долуханова и подарила свой компакт-диск с моими романсами, выпущенными в Канаде, — и сказала: «Это — главное, что я сделала в жизни» — мне это было чрезвычайно дорого. Я знаю, моя музыка будет нужна, но время ее еще не наступило. Не потому, что она сложна. А потому, что она проста. И потому, когда ты меня спрашиваешь, что со мной произошло за последние годы, я отвечаю: самое главное — у меня прошел страх. Мне было страшно, потому что мне казалось, что моя музыка слишком проста.

— Не странно ли? Люди боятся, что пишут

слишком сложно, непонятно, а ты — слишком просто?

— У меня этот страх прошел. Я никакими фокусами не занимаюсь. Понадобится моя музыка — понадобится. Не сейчас — так потом. Может, лет через 15–20. Когда люди захотят снова ясности и гармонии. А они захотят! Вот я очень люблю композитора Валерия Гаврилина. По-моему, это один из лучших современных композиторов, может быть, даже — великий современный российский композитор. Ужасно, что он так мало известен широкой публике! Но пройдет время — его музыка, может быть, станет главной. Потому что она очень проста и благородна. А все фокусы, которыми многие сейчас заняты, — что ж, мы опять догоняем уходящий поезд, уже в который раз. И все это бессмысленно.

— Ты считаешь, что «простая» музыка не совпадает с временем?

— Я уверен, что тенденции второй половины XX века и увлечения авангардной музыкой кончатся. Я просто в этом абсолютно убежден. Вообще-то это любопытное явление — авангардная музыка. Я тоже пробовал — и неплохо получалось. И я понял: здесь нужен не столько талант, сколько голова. А вообще смешно, когда эту музыку называют авангардной — ей уже сто лет! Какой это авангард? Попробуюсь объяснить, почему мне эта музыка не нравится, что меня не устраивает, — хотя я увлекался ею. Это музыка разрушения — всего, и вокруг себя и себя. Да, она отражает тенденции XX века, когда ломаются отношения, происходят невиданные войны, убийства, массовый терроризм. Вот весь этот мир отражает эта музыка. Хотя такой задачи впрямую она не ставит. Принцип этой музыки внеэмоциональность. Теоретики так и говорят: «современная музыка не должна быть эмоциональной, она не для этого». Как музыкант-профессионал, я в принципе могу все. И когда я открываю ноты современной авангардной музыки — мне любопытно. Ага, вот интересная структура, вон как она меняется на следующей странице. Все это любопытно смотреть. Но невозможно слушать! Я умираю от тоски.

— А почему? Если ноты смотреть интересно...

— Да потому что первоначальное назначение музыки — это все равно разговор с Господом Богом! Это все равно попытка подняться, а не опуститься, распахнуться. Я говорю не о сопливой музыке, не о сладких слюнях, это другое. Музыка, одним словом, должна идти к Богу — или в Космос, кто как понимает. Поэтому никогда не умрет Бах. А в современной авангардной музыке нет Веры. Когда-то я очень любил Шнитке, его музыку. А музыка последних лет вызывает у меня отторжение. Вот я пошел на его 6-ую симфонию, дирижировал сам Ростропович... Или на его последнюю оперу «Жизнь с идиотом». Я очень хотел, чтоб мне понравилось. Но этого не произошло. Больше того — у меня музыка вызвала протест. Раньше он был гонимый, а теперь говорят — Бах. Опять все с обратным знаком!

— Ты хотел бы жить в другом времени?

— Да. Лет на 150 раньше. И ни в коем случае — через 150 лет. По моим прогнозам, если мир не станет добрее и разумнее, — все будет

ужасно. Ведь люди не меняются, меняется техника, мы как-то меняем мир, природу — и пока в худшую сторону, чем она была создана Господом.

— Скажи, по поводу чего вдруг возникает «тихая грусть», чего-то хочется, чего-то жаль...

— О, у меня все очень просто. Грустно бывает, когда не хватает денег. Деньги мне нужны не на жизнь, — на это я зарабатываю. Но есть что-то, что мне очень хочется, — и я знаю, что этого никогда не будет.

— Например?

— Я очень хочу, например, профессиональный фотоаппарат «Лингоф». Техника.

— Я знаю твои фотографии, достойные любого классного фотожурнала.

— Так вот. «Лингоф» — фантастический аппарат! А ты знаешь мою страсть к технике. Но у меня никогда не будет на него денег, это нереально! Или я всегда мечтал попасть на карнавал в Бразилию, в Рио-де-Жанейро.

— В конце концов, что уж так недостижимо, что ли? Если очень хочется...

— Недостижимо! Хочешь, расскажу тебе смешную историю? Совсем недавно явился ко мне некий человек и сказал: «Здравствуйте, г-н Таривердиев!» Я говорю: «Здравствуйте! Чем могу быть полезен?» — «Вы знаете, инфанта испанская выходит замуж», — говорит он. — «Ну и что?» — «Дело в том, что мы представляем группу из 20 испанских фирм в России. А инфанта выходит замуж не за принца крови, как положено, а за богатого промышленника. Потребовалось даже испросить разрешения папы римского». — «Замечательно», — говорю я с изумлением. — «Но какое все это имеет отношение ко мне?» — «Все королевские дворы сейчас готовят принцессы подарки. И мы, группа испанских фирм, тоже хотели бы сделать подарок. Нам сказали, что никто лучше Вас не напишет органную музыку. Мы хотим Вам заказать органную пьесу — в подарок принцессе». — «Знаете», — говорю, — написать я не успею. Но я только что закончил 10 хоралов для органа, мне буквально только что принесли переписанные ноты. Если хотите...» Прослушали. «Боже мой, это то, что надо!» — воскликнул он. — «Боже, какая красота! Это то, что нужно, Микаэл Леонович!» — повторял он. — Нам нужно немедленно взять ноты, переплести в сафьяновый переплет, а Вы своей рукой напишите: «Принцессе Елене, инфанте испанской в день бракосочетания от Микаэла Таривердиева». — «Да, конечно, напишу». — «Кстати, а сколько это может стоить?» — спрашивает он. Вот тут я замаялся: «Право, не знаю...» — «А какой критерий?» — «Ну, какой критерий... Я могу сказать не для королевской семьи, а как принято на нашем телевидении. Скажем, за песню, которую исполняют певцы под гитару, — минимум 2 тысячи долларов. Иногда и больше». — «Ага, значит 10 хоралов — 20 тысяч долларов. Так?» — «Да. Меня это устроит». Он уехал готовить контракт, а мы с женой размечтались: сбывается голубая мечта — мы таки съездим в Рио-де-Жанейро! А на другое утро раздался звонок. Я услышал знакомый голос: «Я под таким впечатлением! В таком восторге! Это потрясающе! Одна просьба: Вы не могли бы уступить в цене?» Я не сразу понял, а потом говорю: «Знаете что? Приезжайте, забирайте ноты. Я их дарю вашей принцессе и вам!»

И у меня так всю жизнь, понимаешь? Поэтому когда мне говорят: Вы сделали 132 фильма, — да Вы же миллионер! Я отвечаю: ведь я их делал не в Америке, а в России. Для любопытных могу сказать: за «Иронию судьбы...» я получил 5 тысяч рублей, за «Семнадцать мгновений...» — 11 тысяч (три года работы). Вот тогда я, наконец, сделал ремонт в квартире... Так что почти как у Моцарта в «Свадьбе Фигаро»: чести много, а денег мало.

Мы посмеялись. Рио-де-Жанейро так и остался голубой мечтой мастера.

Беседовала Инна ТУМАНЯН